

Доктора Чехова

ИЗ МЕНЯ НЕ ПОЛУЧИЛОСЬ

Известная - 2003 - Зинара С. А.
— Вы учились на врача, принимали клятву Гиппократу. А потом стали писателем. Изменили клятве?

— Я выпускался участковым врачом с терапевтическим уклоном. Проработал три года. Клятве Гиппократу не изменил и по сей день — ни как человек, ни как врач. Посильную помощь готов оказать и сегодня. После того как я ушел из медицины окончательно, «Медицинская газета» опубликовала жестокий фельетон в мой адрес, а также в адрес Александра Левенбука, Александра Лифшица и Григория Горина. Нас там как раз обвинили в измене. Странное было время: если человек уходил в актеры или в писатели из инженеров или рабочих — это было нормально. А если из врачей — значит, предатель. Когда мы с Гориним в 1966 году выпустили книгу «Соло для дуэта», мы там написали, как бы отвечая на эти нападки: «Неизвестно, что с нашим уходом приобрела литература, но то что медицина ничего не потеряла, это точно».

— И что же, никогда не хотелось вернуться?

— Через восемь лет после того как я ушел из медицины, мне позвонили из 46-й больницы Тимирязевского района Москвы, где я проходил обязательную стажировку в стационаре, и сказали, что они меня прекрасно помнят, ценят, что у них освободилось постоянное место палатного ординатора и что они мне его предлагают. Честно говоря, я задержался, но потом понял, что уже поздно, потому что я убежден: любую профессию можно сочетать с литературой, кроме врачебной. Она требует полной отдачи, а если вы подсознательно все время думаете: поскорее бы это кончилось, этим самым вы, мягко говоря, незачинно относитесь к своим больным. Все разговоры о том, что Чехов сочетал литературу с медициной, казались демагогическими. Чехов — величайший писатель, а врачебная деятельность была лишь периодом в его жизни. Я отшучивался, говоря, что оставил медицину, когда понял: Чехова из меня не получилось.

— Чем была для вас работа с Григорием Гориним?

— Это был период абсолютно братских отношений. Мы с Гришей сотрудничали с эстрадой, а парное творчество для нее очень подходит. Но со временем у Гриши развивалось желание посвятить себя большой драматургии, а мне хотелось стать печатающимся прозаиком. Мы написали с ним под занавес три пьесы, которые были поставлены и очень широко шли: «Свадьба на всю Европу», запрещенный после тринадцатого показа «Банкет» и «Маленькие комедии большого дома». Период совместного творчества стал для нас с Гришей стартовой площадкой, от которой мы оттолкнулись — и полетели в разные стороны, оставаясь друзьями на всю жизнь.

— Ваш том в «Антологии сатиры и юмора XX века» — первый. Это что-то значит или просто «а» — первая буква алфавита?

— Возможно, мне была оказана такая любезность, потому что я член редколлегии. Но скорее всего, исходя из алфавита, а также из общей тенденции: напечатать тех, кто сегодня известен и жив, а уж потом классиков. Мне повезло, но я вовсе не горжусь, что мой том первый.

— Что скажете о юморе на сегодняшнем ТВ?

— Раньше, когда все было под запретом, люди, работавшие в этом жанре, искали и находили формы, благодаря которым им порой удавалось сообщить кое-что важное зрителям — или по крайней мере на него намекнуть. Когда все запреты были сняты, и люди стали насыщаться информацией, многие писатели оказались в весьма неловком положении: надо было оставаться на плаву, а конкурировать с этим потоком было сложно. Для того чтобы продолжить получать свою долю успеха и аплодисментов, многие стали упрощаться и опускаться все ниже и ниже. И лишь немногие сохранили свою писательскую позицию и свое лицо, хотя и потеряли, возможно, часть своих слушателей. Но такова, увы, реальность.

Юлия РАХАЕВА